

Дарья Верясова

КРАПИВА

Дарья Верясова

Крапива

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050613

Крапива Стихотворения:

ISBN 978-5-91627-161-4

Аннотация

Дарья Верясова родилась в Норильске, училась в Красноярском государственном университете на факультете филологии и журналистики, работала корреспондентом в «Сибирском агентстве новостей», в 2014 году окончила Литературный институт им. А.М. Горького (семинар О. Николаевой), лауреат, финалист и лонг-листер всероссийских литературных премий. Стихотворения и проза публиковались в журналах «Октябрь», «Волга», «Радуга» и др.

Премия Русского Гулливера учреждена в 2014 году Центром современной литературы, издательским проектом «Русский Гулливер» и мультимедийным журналом «Гвидеон». С рукописью книги стихотворений «Крапива» Дарья Верясова вошла в лонг-лист основной номинации («поэтическая рукопись») и стала лауреатом в номинации «специальная премия издательского проекта».

Содержание

Пройти и обжечься	4
Родина	7
1.	7
2.	8
Киев	9
«Когда-нибудь, неповторимый мой...»	10
Дача в Переделкино	12
1.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Дарья Верясова

Крапива Стихотворения

Пройти и обжечься

О хорошем поэте писать сложно, о хорошем и близком тебе – сложно вдвойне. Дарья Верясова – поэт в высшей степени лексический. В такой высокой степени, что лексичность ее как бы теряется за самой собой. Я знаю, знаю, как пишутся все эти бесчисленные предо-послесловия. Дергают три строчки отсюда, пять – оттуда, добавляют какие-то пространственные термины. Вот здесь – «лексические». Болтовня.

О Дарье пространно не скажешь, и строчек у нее выдергивать не надо. Она пишет цельно, иногда все стихотворение – как шумный, почти надрывный выдох бегуна, который знает, что добежал уже – и облегченно рычит в воздух.

Крапива, да. Но не в смысле ожога, а в смысле метода. Т.е. я вам скажу как бы о колючем, а вас как бы обожжет. Это очень трудно уметь.

Словами сегодня мало кого серьезно проймешь. Раздражение, может быть, вызовешь. Или сентиментальность небольшую разбудишь. Это очень редко, когда еще удастся по-настоящему достать до нутра.

Я специально буду писать так, как меня эта ее книжка – «крапива» – настроила. Как бы обожгла, да.

Иногда читаешь и ищешь – а как это он/она все вылепили. Как слова складывали, а ну посмотрим, что у человека за умения. Заумения. Писать-то научился, али где?

Есть несколько поэтов, их до обидного мало, у которых техники не замечаешь. И они ее не замечают. Пишут просто что им наболело, оно и пишется. Больно.

Да, только еще важно, чтобы наболело как-то правильно. А то мне не всякую боль надо, мне такую боль, чтобы я ее к себе мог применить. Как бы. Обжечься.

Как, бывает, смотришь на картину, а там все так криво и нелепо, все не на месте, а все на месте. Или это он – художник – так специально умеет. Или его кисть промахивается настолько, что уже попадает, оказывается.

Со стихотворениями как бывает: вот запоминаются они иногда чисто как куплеты. Есть в них такие крючки и петельки, которые цепляются за память и остаются в ней навсегда. А есть стихотворения, их до обидного мало, у которых крючки эти не в словах вовсе. А где тогда? Да кто их знает, никто и не знает. И в памяти остаются неслова, и с ними можно жить долго.

Вот так и с собранными в горсти жгучими травами Дарьи.
Вот расставила она свои крапивные букеты, а мне среди них
надо было пройти и обжечься.

И вам советую.

Давид Паташинский,

жюри Премии «Русского Гулливера» —2014

Родина

1.

«...И мать моя, хабалка, бабий шик...»

...И мать моя, хабалка, бабий шик,
Погрязла в телесах своих больших.
Теперь воруй, разменивай, круши!
Я здесь стою, а больше – ни души.

...И мать моя: мелисса и полынь,
Зелёный клоп, щелястые полы,
Калеки-куклы, вой собак по ним,
И вермишель с блинами на помин.

...И мать моя, глядящая с крыльца
Таким лицом, как будто нет лица.

2.

«Мы кутерьму с кутьёй перемешали...»

Мы кутерьму с кутьёй перемешали,
Мы скопом угодили в переплёт.
Вот правда наша – гнусная, большая:
Страна нам – горб, страна – беззубый рот.

Куда бежать, в какие царства деться,
Когда сама – и дармоед, и плут...
Моей страны обманутое детство
Когда-нибудь эпохой назовут.

Киев

А над площадью день полощется,
Чёрный дым висит полотном.
И разносится звон по площади —
Разбивает брусчатку лом.

И хранят до поры до времени
Немоту языки церквей.
В этот день у города древнего
Поубавится сыновей.

Перетрёт закопчёнными стенами,
Под колёсами зажуёт
Или кончится огнестрельными
В шею, голову и в живот.

И выходит: необязательно
Всем достанется постареть.
Мы останемся здесь и затемно —
Заночуем на пустыре.

«Когда-нибудь, неповторимый мой...»

Когда-нибудь, неповторимый мой,
Потянет в землю, повлечёт домой
Громоздким телом, смутными стихами.
Но прежде чем проститься на века,
Целую голос твой издалека,
Беспечные слова твои вдыхаю.

Я рассказать хочу тебе о том,
Как дерево за утренним окном
Качалось, вздрагивало, свиристело.
Когда-нибудь – запомни, запиши! —
Освободишься от моей души,
С душою вместе выскочив из тела.

Когда-нибудь останемся вдвоём,
Где тёплый дом, где сад и водоём,
Где ткут, пекут и горбятся над плугом,
Где виноград хранит дверной проём.
И смерть умрём, и жизнь переживём,
И даже не посмотрим друг на друга.

Когда-нибудь откроется и нам:

Все рыбы ускользнули в океан,
Все самолёты улетели в небо,
А мы живём – рассудку вопреки,
В загаженный поток Москвы-реки
Бессмысленно закидывая невод.

Дача в Переделкино

1.

«Где расслышишь: вдали электричка поёт...»

Где расслышишь: вдали электричка поёт,
Пассажиров уснувших качает —
Жили мы и неделю, и месяц, и год
На вине, сигаретах и чае.

А снаружи шарахался запертый день,
А по снегу картавила поступь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.